
Закон КНР о внешних связях КНР

Аннотация: В июне 2023 года в КНР был принят Закон о внешних связях – первый в своей практике нормативно-правовой акт, определяющий рамки работы участников внешнеполитической деятельности. Ряд положений нового Закона КНР, в том числе в части фундаментальных принципов построения и целей внешней политики, имеет сходство с подходами, содержащимися в российской Концепции внешней политики.

Ключевые слова: КНР, закон о внешних связях, международные отношения, ВСНП, Си Цзиньпин

---

28 июня 2023 года Всекитайское собрание народных представителей приняло «Закон Китая о внешних связях» – первый в своей практике нормативно-правовой акт, определяющий рамки работы участников внешнеполитической деятельности.

Документ, состоящий из 45 статей, объединенных в 6 глав, примечателен целым рядом моментов.

Прежде всего, Закон юридически закрепляет за Коммунистической партией Китая (КПК) «единое и централизованное руководство внешнеполитической деятельностью» страны (статья 5 главы 1), подтверждая общую тенденцию жизни КНР последних лет по усилению партийного руководства и контроля. Не случайно, ниже в статье 9 конкретизируется главенствующая роль «руководящего органа ЦК КПК по внешним/иностранным делам», который отвечает за «принятие внешнеполитических решений и координацию в целом иностранных дел, за разработку, руководство и осуществление внешнеполитической стратегии».

Сама формулировка «руководящий орган» носит широкий, внешне расплывчатый характер. Это сделано намеренно с тем, чтобы не менять закон в случае изменения названия соответствующего партийного органа. Напомним, что с 2014 по 2018 год высший партийный орган ЦК КПК по внешним сношениям назывался «Руководящая группа ЦК КПК по иностранным делам», с 2018 г. он называется «Комиссия ЦК КПК по иностранным делам»

(возглавляет Комиссию Си Цзиньпин, непосредственной работой руководит Ван И - заведующий ее Канцелярией).

Статья 3 главы 1 практически повторяет соответствующее положение Устава КПК о том, что КНР «в развитии международных отношений и содействии дружественным обменам руководствуется марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями «трех представительств», научной концепцией развития и идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи».

В статье 4 главы 1 перечислены известные еще со времен Конференции в Бандунге (1954 г.) «пять принципов» внешней политики КНР: «взаимное ненападение, взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование».

Примечательна статья 17 главы 3, в которой подчеркивается, что «в развитии внешних сношений КНР руководствуется необходимостью защиты социалистического строя с китайской спецификой, защиты национального суверенитета, единства и территориальной целостности, задачами социально-экономического развития страны». Таким образом, уже с самого начала подчеркивается, что в контексте внешней обстановки узловым приоритетом Китая служат его национальные интересы.

В статье 18 повторяется традиционное деление всех стран на три группы (крупные державы, соседние государства, развивающиеся страны). При этом с крупными державами акцент делается на «координацию и позитивное взаимодействие»; с соседними – на добрососедство, «лояльность и терпимость»; с развивающимися – на «единство», основанное на «искренности и честности», «справедливости и долге».

В статье 19 говорится о том, что КНР «защищает международную систему, ядром которой является Организация Объединенных Наций, международный порядок, основанный на международном праве, и базовые нормы международных отношений, основанные на целях и принципах Устава ООН». При этом КНР привержена концепции, «предусматривающей широкие консультации, совместный вклад и общую выгоду, участвует в формулировании международных правил, содействует демократизации международных отношений и развитию экономической глобализации». Как постоянный член Совбеза ООН (ст. 20) КНР «поддерживает международный мир и безопасность», в том числе укрепляет

«международную систему контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения, выступает против гонки вооружений, отвергает и запрещает все виды деятельности, связанной с распространением ОМУ».

Обращает на себя внимание китайская формулировка вопроса прав человека. В статье 22 говорится о том, что КНР «уважает и защищает права человека, придерживается принципа универсальности прав человека». При этом уточняется, что Китай действует «в сочетании с конкретными условиями каждой страны, способствует всестороннему и скоординированному развитию прав человека, осуществляет сотрудничество в области прав человека на основе равенства и взаимного уважения, а также «способствует здоровому развитию международного дела прав человека».

В Законе (статья 26) особо подчеркивается, что КНР «настаивает на поощрении открытости внешнему миру на высоком уровне, развитии внешней торговли, активном поощрении и правовой защите иностранных инвестиций и другого внешнеэкономического сотрудничества, поддержании системы многосторонней торговли, противодействии односторонности и протекционизму и содействию построению открытой мировой экономики». В этом контексте упоминается и китайская Инициатива «Пояса и Пути».

При этом КНР, «предоставляя помощь зарубежным партнерам, уважает их суверенитет, не вмешивается в их внутренние дела и не выдвигает дополнительных политических условий» (статья 27).

В 4-й главе, озаглавленной как «Система внешних сношений», в статьях 29-30 говорится о том, как государство «координирует применение внутреннего и внешнего права». Нужно иметь в виду, что в КНР никогда на конституционном уровне не было закреплено верховенство международного права над национальным, что еще раз подчеркивается и в упомянутых статьях. Речь идет лишь о том, что КНР будет согласовывать внутреннее законодательство с «тем зарубежным законодательством, которое затрагивает внешние сношения», будет дополнять свою правовую систему «с учетом внешних изменений». Иными словами, верховенства иностранного права Китай не допускает, если и присоединяется к международным конвенциям, то подписывает, ратифицирует их лишь тогда, когда полностью оговаривает, какие положения он намерен выполнять, а какие – нет.

Актуальна статья 33, которая, исходя из своей смысловой сути, может рассматриваться в контексте реагирования на объявляемые против КНР внешние санкции. Статья предусматривает возможность принятия Китаем контрмер в случае «действий, нарушающих международное право и угрожающих суверенитету, безопасности и интересам развития» КНР. Конкретный механизм таких контрмер в Законе не прописан, но подчеркивается, что принятые в этом случае решения «являются окончательными». Важно, что в новом законе говорится именно о «контрмерах», что означает, что КНР рассматривает их как действия подчеркнуто «ответного» характера. Примером могут служить тарифные пошлины на американский импорт, введенные Китаем лишь после того, как США в 2018 г. году инициативно ввели их в отношении КНР.

Закон также излагает позицию Китая в отношении иностранных граждан, заявляя, что КНР «защищает законные права и интересы иностранцев и иностранных организаций в Китае». При этом иностранцы и иностранные организации «должны соблюдать китайские законы и не должны ставить под угрозу национальную безопасность Китая, наносить ущерб общественным интересам или нарушать общественный порядок».

Кроме того, Пекин будет принимать легальные меры для «защиты безопасности, прав и интересов китайских граждан и организаций за границей», а также для защиты зарубежных интересов КНР от любых угроз.

В пятой главе подтверждается приверженность КНР своим международным обязательствам, включая всеобъемлющую систему гарантий в области иностранных дел, провозглашается намерение укреплять и развивать международные отношения при одновременной защите национальных интересов.

Следует отметить, что ряд положений нового Закона КНР, в том числе в части фундаментальных принципов построения и целей внешней политики, имеет сходство с подходами, содержащимися в принятой недавно новой редакции российской Концепции внешней политики.

Как и новый закон КНР, Концепция выступает против политики гегемонии и односторонних санкций, вмешательства во внутренние дела суверенных государств, попыток обесценить роль ООН и международно-правовых институтов; аналогичным образом российский документ призывает к неделимости безопасности, развитию сотрудничества

между странами и обеспечению их устойчивого развития, признанию и сохранению многообразия культур и цивилизаций.

Учитывая законодательное закрепление геополитических взглядов лидеров РФ и КНР в указанных нормативно-правовых актах, одним из приоритетных направлений российско-китайского двустороннего и многостороннего сотрудничества могло бы стать продвижение соответствующих концепций на площадках ООН, ШОС, БРИКС и других форматах с участием стран Глобального Юга.

Такому продвижению может способствовать создание международных исследовательских центров и неправительственных организаций, специализирующихся на изучении и лоббировании изложенных в новом законе китайских глобальных инициатив и перекликающихся с ними положений российской Концепции, а также выдвижения исков и претензий в международные инстанции на предмет оспаривания односторонних санкций.

Исполнители:

*Троцинский Павел Владимирович,
кандидат юридических наук,
руководитель Центра политических исследований и прогнозов
Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН;
Виноградов Андрей Олегович,
ведущий научный сотрудник
Центра социально-экономических исследований Китая
Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН;
Мамыкин Иван Константинович,
младший научный сотрудник
Лаборатории внешнеполитической экспертизы
Центра мировой политики и стратегического анализа
Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН.*